

Преобразования Горицкого монастыря из особно-житного в общежительный и его благоустройство

Горицкий монастырь в конце XVIII века, как мы видели раньше, испытывал тяжелое время в материальном отношении, к началу XVIII века пришел в крайнее запустение и находился в полуразрушенном состоянии.

Так, соборный Воскресенский храм, построенный в 1544 году иждивением княгини-инокини Евдокии, требовал значительных поправок; вследствие согнившей и местами провалившейся на нем тесовой крыши, всюду была в нем течь, по стенам струился дождь, и тем портило и стены, и живопись. В зимней церкви за ветхостию также почти невозможно было служить. Разрушающаяся ограда вокруг монастыря во многих местах заменена была деревянным тыном, ветхия келлии инокинь с черными печами и деревянными трубами стояли без полов и потолков. При монастыре не было ни огородов, ни пахотной земли.

Многия сестры, за неимением средств к существованию должны были наниматься в поденные работы к крестьянам соседних деревень и тем снискивать себе дневное пропитание. При таком порядке вещей, конечно, трудно было соблюсти и монастырскую дисциплину,

и надлежащий порядок внутренней иноческой жизни насельниц обители.

Но вот в 1810 году, когда монастырь уже дошел до крайнего предела разрушения, вступает в должность настоятельницы обители по единогласному выбору всех сестер, еще юная летами, но духовно просвещенная и богомудрая инокиня, мать Маврикия Ходнева, на место умершей игуменьи Маргариты.

Мать Маврикия, в мире Мария, происходила из небогатой, но очень религиозной помещичьей семьи Белозерского уезда. Она родилась 8 апреля 1778 г. и, выучившись грамоте³⁷, с самого раннего возраста посвятила себя на угождение Богу, посвящая все свое свободное время на чтение душеспасительных книг и молитву. В 1801 году поступила она в Горицкий монастырь, а в 1806 году была пострижена в монашество и все время проходила послушание свечницы, а затем и должность казначеи. Пребывание здесь ей очень нравилось, потому что она, по должности свечницы, должна была присутствовать за каждым богослужением, и здесь находила полное удовлетворение своим духовным потребностям; но одно только было ей не по сердцу — это отсутствие общежития. Всякий раз, когда при чтении псалтири, доходила она до слов: «се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», глаза ее наполнялись слезами. — «Вот вкупе нужно нам жить, в полном согласии, как сестрам родным о Господе, — говорила она своим приближенным, — а у нас что: вот одна сестра живет во всяком изобилии, с рабынями и прислужницами в больших келлиях, а другая в ветхой хижине, неусыпно работает, чтобы кусок хлеба себе достать, а иная в старости и немощи питается подающими от своих или от чужих. Как тут не быть зависти, злоречию, вражде и всякому искушению от врага».

Еще будучи в должности казначеи, мать Маврикия с благословения игуменьи Маргариты, ездила в Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь, чтоб изучить на деле заведенные там порядки общежития. Здесь общежительная жизнь инокинь сильно подействовала на сердце м. Маврикии, и она решила совсем переселиться в Крестовоздвиженский монастырь, но только слезные просьбы игуменьи Маргариты заставили ее вернуться в Горицы.

С твердою верою и несомненною надеждою на Бога, вступив в отправление настоятельской должности, будучи 33 лет от роду, игуменья Маврикия, прежде всего, с благословения своего духовного отца, великого старца Феофана Новоезерского³⁸ и под его мудрым руководством принялась за дело введения в своем монастыре полного общежития. Конечно, немало пришлось ей встретить всевозможных препятствий и искушений при начале сего доброго дела. Мысль о заведении общежития не понравилась многим монахиням

и послушницам, привыкшим жить хотя и не в довольстве, но по своему вкусу и обычаю. Многие громко роптали; другие решились совсем выйти из монастыря, так что из 70 насельниц осталось не более 40 сестер и то большею частию бедных, престарелых и немощных.

При учреждении общей трапезы игуменья первая подала пример — она отдала на общую потребу все свои припасы, какие у ней были; оставшиеся сестры последовали ея примеру. Они повели игуменью Маврикию в кладовую под церковь³⁹; там увидела она гробы, заблаговременно приготовленные сестрами на случай смерти, каждую для себя. В этих простых деревянных гробах, посмертных домовищах понаделаны были поперечные перегородки и между ними хранились их незатейливые жизненные припасы: мука, крупа, горох и проч. Все найденное соединено было вместе, в общий запас, и в светлый праздник св. Пасхи, 21 апреля 1812 года, в первый раз была открыта общая трапеза. «Какая была у нас тогда радость — говорила после игуменья Маврикия — я и высказать не могу. Все мы от радости плакали. Сестры благодарили меня и уверяли, что никогда оне так сладко не кушали, как за общей трапезой, хотя стол был самый простой. Точно все мы были тогда не на земле, а на небе. С того радостного праздника начали мы жить в полном единодушии, общим житием по милости и благодати Божией к нам грешным». Когда от трапезы оставались куски хлеба, игуменья сама сушила их, и по временам поставляла на общий стол, обварив горячим молоком: всякая пища вкушалась в сладость и с благодарением.

Вместе с общею трапезою начали и общие труды: была взята в аренду земля у Кирилловских мещан под огород и устроили близ монастыря кирпичные заводы. Игуменья во всем давала пример: она первая являлась на всякую работу и была первой работницей в поварне, хлебне, на огороде и повсюду. Сама носила воду, дрова, копала землю, делала кирпичи. По примеру ея трудились и все сестры, исполняя возложенное на каждую послушание, и радуясь, что общежитие избавляет их от ежедневной заботы о житейском. Игуменья Маврикия строго следила, чтобы при работах не было празднословия, а потому всякое дело делалось с молитвою на устах и надеждою на помощь Божию. Служба церковная и келейное правило также стали исполняться неопустительно по примеру самой настоятельницы. Не были забыты и рукоделия: шили белье и монашескую одежду, скоро научились шить и обувь.

При новом порядке иноческой жизни, число сестер стало увеличиваться, и вместо вышедших из монастыря, не вместилищих общегитейского порядка жизни, поступили новыя лучшия, истинно

искавших спасения души, число которых достигло, наконец, до 400 сестер⁴⁰.

Высокоподвижническая жизнь игуменьи Маврикии и заведенные ею общежительные порядки привлекали в Горицкую обитель не только лиц простого звания, но и высокопоставленных и знатных особ.

Так, посетив раз Горицкую обитель, одна из знатных вологодских дворянок, вдова Александра Ал. Клементьева, так пленилась скромною тихою жизнью Горицких инокинь под мудрым руководством опытной игуменьи Маврикии, что решилась и сама быть инокинею сей обители. Скудной в то время материальными средствами Горицкой обители она принесла в дар все свое громадное состояние; но выше всех ее жертв была жертва самой себя и трех юных своих дочерей, из которых младшей было около 14 лет⁴¹. Воспитанная в богатстве и неге, она с радостью приняла на себя и усердно исполняла все, даже самые тяжелые и грязные послушания. Эти юные труженицы во главе своей матери (во инокинях Агнии) служили образцом трудолюбия и смиренного повиновения. Одна из них (монахиня Арсения) была преемницею Маврикии в настоятельстве. Поступили в монастырь они в 1816 году.

Вслед за Клементьевыми сюда же поступила в 1818 году вдова убиенного на брани генерала Готовцева, Александра Сергеевна в монашестве Феофания⁴², женщина с высоким образованием, а вскоре за тем и сестра ее девица Щулепникова, в иночестве Маврикия. В Горицах м. Феофания была правою рукою смиренной настоятельницы во всех монастырских делах, особенно же при поездках в Петербург по делам обители и при письменных сношениях⁴³.

Она также строго исполняла и все монастырские правила и порядки: всегда ходила на общую трапезу, хотя последняя была довольно скудная, и никогда не пропускала своей очереди на различных монастырских послушаниях, как, напр., при замесе хлебов в пекарне, при возделывании огородов и уборке огородных овощей, ношении нескольких ушатов в сутки воды для кухни и проч. Впоследствии, еще при жизни игуменьи Маврикии, Феофания получила другое назначение: она была первой настоятельницей Воскресенского монастыря в Петербурге, устроила эту обитель по образцу Горицкой и в ней окончила земную жизнь свою. В Горицкую обитель она сделала богатые вклады и выстроила деревянные двухэтажные кельи. Замечательно, что родной брат м. Феофании, Петр Сергеевич Щулепников, будучи слабого здоровья, пожелал последовать примеру своей сестры и вступить в Кирилло-Новоезерский монастырь. По пути в Новоезерский, он заехал и в Горицы, чтоб повидаться с сестрою; здесь он сильно заболел и тут же, в Горицах, был постри-

жен в монашество, с именем Паисия. Здесь же, будучи напутствуем Святыми Тайнами, он скоро и скончался, здесь и погребен.

Нельзя обойти молчанием также о высокопоставленной последовательнице богомудрой игуменьи Маврикии и ее смиренной послушнице знаменитой княжне-схимонахине Параскеве Хованской⁴⁴. Она происходила из того же рода князей Хованских, к которому принадлежала и несчастная супруга князя Андрея Ивановича Старицкаго, Евфросиния, в иночестве Евдокия, первая основательница сей обители. В миру она была фрейлиною Императрицы Марии Феодоровны; несмотря на свое знатное происхождение и занимаемый ею видный пост фрейлины, поступив в обитель, она всецело предалась полному послушанию и отсечению своей воли. В 1824 г., приехав вместе с княгинею Варварою Николаевной Долгоруковой помолиться в Горицкий монастырь, а также и поклониться праху своей родственницы Евдокии Старицкой, княжна Параскева решила и сама посвятить свою жизнь на служение Богу в скромном иноческом звании, под непосредственным руководством матушки Маврикии. Выучившись здесь от приставленной к ней строгой и простой необразованной старицы Епифинии шить обувь, прясть волну и столарить, она по своему глубокому смирению всю жизнь продолжала заниматься этими ремеслами. Княжна Параскева, в монашестве Мария, старалась во всем подражать древним инокам и инокиням, она представляла собою образец иноческой простоты, смирения и нестяжательности. Значительные денежные вспомоществования, присылаемые ей богатыми ее родственниками, она все целиком, часто не поинтересовавшись даже узнать о количестве присланных денег, отдавала в полное распоряжение игуменьи на общую потребу и нужды обители.

Иждивением и усердием княжны инокини Марии, в схиме Параскевы, в 1831 году устроена была Покровская больничная церковь и при ней 16 больничных келий⁴⁵.

Кроме упомянутых знатных особ, подвизавшихся в Горицкой обители под руководством мудрой и опытной подвижницы игуменьи Маврикии, могут быть еще упомянуты: подвижница инокиня Ангелина, в мире Александра Степановна Кожухова, дочь бригадира и сестра Курскаго в то время губернатора, родом из г. Костромы. Инокиня Агния, в схиме Александра. Она была дочь губернатора Голостеннова, любимого Императором Павлом Петровичем, и была подругой в миру м. Феофании Готовцевой.

Много и других любителей иноческого труда, подвигов и безмолвия из всех сословий искали спасения в Горицкой обители, которая по введенным в ней новым строем иноческой жизни и строгими порядками стала широко известна.

По мере возрастания духовной жизни в Горицах, возрастало и внешнее благосостояние обители. Так, над могилою утопленниц княгинь-инокинь, вместо деревянной часовни был сооружен великолепный зимний собор в честь Пресвятой Троицы⁴⁶; исправлен и покрыт железом древний Воскресенский храм; к нему пристроена обширная паперть с ризницею. На месте прежней теплой церкви устроен храм в честь чудотворной иконы Богородицы, именуемой Смоленскою. Как этот храм, так и Троицкий украсили прекрасною стенною живописью сами художницы-инокини Горицкия⁴⁷. Много и других зданий возникло постепенно одно за другим: прочная каменная ограда вокруг монастыря, длинные корпуса келий для сестер, просторная трапезная палата, несколько мастерских, где сестры занимаются иконописью и разными рукоделиями, хлебня, поварня с чистою водою, проведенною из кладезя, странноприимница и другие хозяйственные здания.

Но откуда взялись средства для всех этих учреждений? Господь, на которого возложила все упование свое смиренная м. Маврикия и на которого твердо уповала, не посрамил ея упования. Вдовы и девицы из богатых дворянских и купеческих семейств, поступая в Горицкий монастырь, жертвовали любимому общежитию всем своим достоянием, а также и личные труды сестер, производимые в строгом порядке, доставляли немалый доход обители. Нередко бывали неожиданные приношения и от посторонних лиц*. Сверх того, от щедрот Императора Александра 1-го обитель получила земли по берегу Шексны, мельницу и право рыбной ловли. В то же время перешла во владение Горицкого монастыря величественная гора Маура, покрытая хвойным девственным лесом, у подножия которой расположен и самый монастырь.

Гора эта раньше принадлежала Кирилловским мещанам, и монастырь испытывал большие неудобства и стеснения, так как все земли вокруг монастыря принадлежали не ему, а разным владельцам, и монастырю не было места даже для пастбища скота.

По особому ходатайству Игуменьи Маврикии Высочайше пожалована была Императором Александром Павловичем казенная земля, находящаяся по ту сторону г. Кириллова, под названием Будыри, которой до того времени беспрепятственно пользовались мещане, и даже возводили на ней свои постройки. Такое отчуждение земли для

* Раз, когда игуменья очень нуждалась в средствах, митрополит Серафим посылает ей 1000 руб. и при том присовокупляет: «Вот третий день мысль твердит мне: дай игуменье денег на устройство монастыря».

Кирилловцев было весьма неприятно, да и для Гориц по дальности расстояния не было удобным пользование ею. Тогда Кирилловския и монастырския власти по обоюдному соглашению поменялись землями и Горицам досталась Маура с примыкающими к ней прекрасными лугами и пахотью, под названием Бреньково, Бычек и Чища.

Таковы были всеми видимые труды и подвиги незабвенной первоначальницы Горицкого общежития! Неоднократная же проявления благодатных дарований игуменьи Маврикии свидетельствовали и о ея подвигах внутренних келейных, сокрытых от взглядов человеческих, но ведомых одному Сердцеведцу. Она трудилась для всех, всем служила, чем могла в продолжении всей своей многолетней жизни и не искала земной славы и земных наград. Но и слава и награды сами нашли старицу в пустынной ея обители. Имя матушки Маврикии пользовалось безпредельным уважением даже в дальних женских монастырях, куда еще при жизни ея призваны были к настоятельству многия ея ученицы. Заслуги старицы были достойно ценимы Епархиальным начальством и Св. Синодом. Так из послужного списка ея видно, что она несколько раз удостоена признательности архипастырей и благословения Св. Синода и была награждена наперстным золотым крестом.

Цари и царицы Русские знали и уважали Горицкую игуменью. Блаженной памяти Александр Благословенный оказывал особое уважение матери Маврикии, благосклонно принял и хранил до кончины своей поднесенный ею, шитый сестрами обители, ковер.

Когда Маврикия представлялась ему в Вологде, то Император долго и милостивно с ней разговаривал и наконец спросил: «Что, матушка, желаете моей супруге передать?» Старица, поклонившись Государю, сказала: «Приношу Ея Императорскому Величеству земное мое поклонение и желаю Им здоровья». Он пожаловал в Горицкую обитель великолепно вышитую плащаницу, поднесенную ему гречанками Либериос⁴⁸. Император Николай I пожаловал игумении крест, осыпанный бриллиантами. Императрице Марии Феодоровне было угодно видеть Горицкую игуменью: старица представлялась ей вместе с монахиней Феофанией (Готовцевой), лично известной Государыне. Императрица приняла их очень милостиво, долго разговаривала с ними, удивлялась терпению и смирению высоких особ, живущих в Горицкой обители и на прощание подарила игуменье св. Евангелие. Такого же благосклонного внимания удостоила ее Императрица Елизавета Алексеевна.

Сорок пять лет управляла Маврикия Горицкою обителью. Постоянные труды истощали силы ея, она стала чувствовать недуги старости и решила наконец сложить с себя настоятельство.

Преосвященный митрополит Никанор, желал удержать Маврикию в настоятельской должности до конца жизни ея, предлагал дать ей помощницу по ея выбору, но наконец должен был уступить неотступным и слезным молениям старицы. Согласившись на просьбу м. Маврикии, архипастырь просил ее указать на достойную ей преемницу и при том сказал: «Не затрудняйте себя сдачей монастыря по описи: все вами приобретено. Не только кто другой, но и я сам не могу ничего от вас требовать». Желанный указ об увольнении Маврикии и назначении игуменьей (согласно ея указанию) монахини Арсении Клементьевой последовал 23 декабря 1855 года. Бывшей настоятельнице «во внимание к многолетнему служению и неутомимо ревностным попечениям о благосостоянии обители» назначено от монастыря полное содержание, необходимая прислуга и пенсия по 150 руб. в год.

Последние годы жизни м. Маврикия посвятила исключительно богомыслию, посту и молитве. В 1858 году престарелая подвижница приняла великую схиму и наречена прежним именем — Марию. Скончалась она 18 июля на 84 году от рождения⁴⁹; прослужив Господу 60 лет в монашеских подвигах. Смертные останки приснопамятной схи-игуменьи Марии преданы земле в Троицком, ею воздвигнутом храме, на южной стороне.

На могиле ея, прикрытой черной мраморной плитой, доселе приносятся горячие молитвы не только сестер Горицких, но и многочисленных лиц разного звания. Многие несут сюда, на могилку праведницы, свои горести и обиды людския, находя здесь успокоение своему изстрадавшемуся сердцу. При жизни игуменьи Маврикия старалась избегать всякой похвалы человеческой, но теперь «память ея с похвалами», как память праведницы.

В деле возобновления Горицкой обители и введения в ней тех строгих иноческих правил, на которых духовно воспитался (да и теперь еще воспитываются) целый ряд замечательных по своим изумительным подвигам, отрехшихся от мирской суеты инокинь, обитель немало обязана также отеческому попечению о ней известного подвижника Новоезерской обители, архимандрита Феофана; он вместе с игуменьей Маврикией принимал самое живое и деятельное участие в судьбе Горицкой обители.

Отец Феофан был из дворян, постриженник Молдавского Тисманского монастыря. Сюда он прибыл из Введенской пустыни, где пользовался наставлениями богомудраго подвижника отца Клеопы. Иноки Тисманского монастыря, теснимые турками, должны были вернуться в Россию, где предоставлена была им Софрониева Молчанская пустынь. Чрез несколько времени отец Феофан вызван был вместе с несколькими другими иноками Софрониевой пустыни,

более других опытными в духовной жизни, для занятия разных должностей в Александровской лавре. Высокоподвижническая жизнь и духовная мудрость отца Феофана заставила обратить на себя внимание преосвященного митрополита Гавриила⁵⁰, который и взял его к себе в келейники. В этой должности о. Феофан пробыл около 10 лет и находился в постоянных и близких отношениях к знаменитому святителю: жизнь мудраго и благочестиваго пастыря служила для о. Феофана постоянным назидательным примером; с другой стороны, нравственные качества о. Феофана снискали ему полное доверие святителя, который обращался к нему за советом во многих важных делах.

В 1793 году назначен он был настоятелем Новоезерской обители преп. Кирилла, каторою и управлял до самой своей смерти, в течение 36 лет, и своею неутомимой деятельностью привел обитель в самое цветущее состояние. Он же был виновником возобновления и Нило-Сорской пустыни, или Нилова скита, который в то время был закрыт и обращен в приходскую церковь.

О. Феофан принадлежал к числу тех благочестивых подвижников, которые в начале прошлого столетия поддержали и обновили у нас клонившееся к упадку монашество, и что всего важнее, успели поселить между иноками самый дух древняго иночества. Таковы были: наставники о. Феофана: Феодор Санаксарский, старец Клеопа «духовный делатель и хранитель умнаго трезвения», Назарий, знаменитый настоятель Валаамский, Игнатий, архимандрит Тихвинский и многие другие. Большая часть этих дивных старцев были лично знакомы о. Феофану, со многими состоял он в духовном общении.

Будучи благочинным Горицкой обители и духовным отцем как самой игуменьи Маврикии, так и многих сестер, о. Феофан содействовал благоустройству обители своими руководительными советами и наставлениями настоятельнице, которая ничего не начинала без его благословения и одобрения.

Часто посещая Горицкий монастырь, старец при каждом случае старался сообщить сестрам правильные понятия о их обязанностях, внушить любовь к иноческой жизни, поселить в них дух истиннаго монашества; и в этом-то отношении его посещения были особенно важны и благотворны для обители. В каждое посещение о. Феофан обыкновенно служил в монастыре литургию, и потом в церкви или же трапезе собирались вокруг его все сестры, и он подолгу вел с ними свою назидательную беседу. «Представьте себе большую комнату, — пишет один архимандрит в своих записках об о. Феофане, — меблированную скромно, по-монастырски, и в ней около трехсот сестер, различающихся ростом и возрастом, происхождением и образованием, но отнюдь не усердием и детскою любовью к

батюшке. Около него уселись оне как кто мог, кто на стуле, кто просто на полу. Так уселись все около батюшки: тут же с детьми и матушка-игуменья».

«Все смолкло: молчит и старец-патриарх среди своего небесного благословенного семейства. Взоры всех устремлены на него, — а он свои взоры, по обычаю приковал к земле. Прошла минута молчания, батюшка раскрыл уста, и сладкая медоточная беседа полилась из них потоком чистым, пламенным, изредка прерываемым то вздохом, то слезами слушающих».

Устные наставления о. Феофана к сестрам Горицкой обители по счастью сохранились и до нашего времени, а также и письма его к игуменье Маврикии, к монахиням и светским лицам (всех писем 65). По ним можно составить понятие о той замечательной простоте, с какою обыкновенно говорил он; из них же можно видеть и то, в чем поставлял он сущность иночества и какия обязанности всего более желал внушить как сестрам Горицкаго монастыря, так равно и братии Новоезерской^{51*}.